

Глава 1. Падение с обрыва

Крутиться в индустрии развлечений — труд каторжный. Хочешь зарабатывать — мелькай на экранах; хочешь мелькать на экранах — снимайся; хочешь сниматься — делай имя. А чтобы сделать имя, изволь пахать триста шестьдесят пять дней в году без продыху.

Цзинь Цин отдал этой сцене пятнадцать лет. В актёрской среде его знали как самого преданного делу актера. И пускай до звёзд первой величины он так и не дотянулся, преданных поклонников у него хватало. Предложения сыпались одно за другим, счета регулярно пополнялись, но за этим бесконечным конвейером у него не осталось главного — времени на передышку.

В день своего тридцатипятилетия он наконец решился: отклонил очередной заманчивый контракт, выбил у агента десятидневный отпуск и, натянув пониже кепку и скрыв лицо под защитной маской, умчался на машине к горе Тайшань.

Тайшань, венчающая великие Священные пики Китая, издревле влекла к себе паломников и праздных путников. «Небо столь высоко, что не достичь его; посему на вершине Тайшаня совершают обряды, дабы приблизиться к богам» — так древние выражали свой трепет перед величием исполина.

Цзинь Цин успел примерить сотни чужих жизней и объездить с киноэкспедициями полмира. Но здесь, у подножия Тайшаня, он оказался впервые.

Поправив маску, он закинул голову. Склоны Тайшаня взмывали ввысь, зажимая тропу между отвесных скал. Рядом с этими колоссами человек казался песчинкой, ничтожной муравьиной душой, но именно эта малость рождала в груди щемящее чувство: если и стоило жить, то ради того, чтобы увидеть это воочию.

Спустя три часа он стоял на самой вершине, глядя на раскинувшийся внизу мир.

Хребты тонули в молочном тумане, сквозь который лишь изредка проступали острые очертания вершин. Окружающий пейзаж казался чистой декорацией к преданиям о бессмертных. Накатила странная, пьянящая лёгкость: почудилось, будто он сам — властелин этого заоблачного царства, рождённый велением неба и земли.

Чуть поодаль чернел провал бездонного ущелья. Предостерегающий знак «Опасно», оставленный зрителями, должен был отпугнуть туристов, но бездна манила Цзинь Цина с непреодолимой силой. Ноги сами несли его вперёд, шаг за шагом.

«Один взгляд. Только один взгляд, и назад»

Он продолжал мысленно успокаивать себя, всё ближе подбираясь к самому краю.

Три шага, два...

Один!

Ветер, пахнувший сыростью и ледяной бездной, ударил в лицо. Цзинь Цин инстинктивно зажмурился. Сделав глубокий вдох и собравшись с духом, он медленно открыл глаза, надеясь заглянуть в тайны сокрытого туманом ущелья.

В этот миг налетел яростный порыв шквала. Он вдруг почувствовал невесомость. Секунда — и он, подобно сорванному осеннему листу, соскользнул в пустоту. И полетел вниз.

Он невольно закричал от ужаса. В этот кошмарный миг всегда невозмутимый Цзинь Цин не смог совладать с первобытным страхом смерти. Неужели его путь оборвётся вот так, нелепо и быстро?

Он поморщился; профессиональная мимика, оттачиваемая годами, сейчас невольно отражала тончайшие оттенки нахлынувших чувств. Перед лицом неминуемой гибели сознание сжало время. Картинки прошлого завертелись перед глазами пёстрым калейдоскопом, выхватывая из глубин памяти позабытые мгновения.

«Жаль... я так и не получил свою главную награду»

«Жаль... так никого и не полюбил»

«И даже не успел сказать простое "спасибо" тем, кто верил в меня все эти годы»

Чудовищная невесомость казалась бесконечной. Цзинь Цин широко раскрыл глаза, отчаянно пытаясь запечатлеть в сознании последние мгновения своей жизни. Наверное, он был единственным безумцем в мире, кто умудрялся сохранять ясность рассудка, летя навстречу смерти со склонов Тайшаня.

Внизу всё так же зияла непроглядная бездна.

Но вдруг среди серого марева вспыхнула яркая синева. Цзинь Цин ошеломился. В его взгляде промелькнуло недоверие, сменившееся крайним изумлением и любопытством. Прежде чем он успел осознать происходящее, его тело с глухим стуком врезалось в упругое синее покрытие.

Синее покрытие поддалось под его весом, расходясь концентрическими волнами, словно вода. Оно плавно амортизировало удар, покачало его на мягких волнах и бережно, словно живое существо, окутало тёплым коконом.

— Стоп! Снято! Немедленно замените его другим! Моей съёмочной группе не нужны бездари!

Едва прозвучал этот выкрик, как белая стена неподалеку бесшумно разъехалась в стороны. За ней обнаружилась просторная комната, где стояли и сидели десятка полтора людей. Тот, что возвышался в самом центре, багровый от ярости, с силой швырнул на пол какой-то чёрный предмет. Штуковина ударилась о тёмное покрытие и беззвучно канула в упругое синее покрытие.

Присутствующие дружно опустили глаза, стараясь лишний раз не отсвечивать. Разгневанный мэтр ни в кого не целился, так что пусть себе выпускает пар.

— Режиссёр Браун, остыньте, — примирительно проговорил его помощник, похлопывая начальника по спине. — Роль-то копеечная, пара секунд на экране. Может, пускай доиграет, чего время терять?

— Простите, режиссёр Браун, Цзинь Цин действительно сплоховал, — вмешалась Чэнь Юнь, поспешно кланяясь. — Он впервые снимается в сцене с падением с обрыва, не судите строго. Я сейчас же поговорю с ним, он всё переделает!

Режиссёр Браун лишь со злостью пнул подвернувшийся под ноги ящик и, не говоря ни слова, зашагал прочь.

Чэнь Юнь растерянно посмотрела ему вслед. Какая уж тут работа, раз главный постановщик ушёл со съёмочной площадки? Она обернулась к синему покрытию, кривясь от досады. Знай она наперёд, сколько мороки будет с этим парнем, ни за что бы не согласилась стать его агентом, какой бы ангельской внешностью тот ни обладал.

Впрочем, съёмочную группу гневная сцена ничуть не удивила. В индустрии скверный нрав Брауна давно стал притчей во языцех. Заменить актёра посреди съёмочного дня или бросить всё из-за пустяка для него было обычным делом. Именно поэтому продюсеры всегда приставляли к нему толкового сорежиссёра, способного уладить любую накладку.

— Продолжаем работу! — скомандовал помощник режиссёра. — Чэнь Юнь, вытаскивай своего подопечного и растолкуй ему наконец задачу.

Агент на секунду замялась, но тут же торопливо закивала и бросилась к синему покрытию.

— Какое лицо пропадает, — вздохнул кто-то из осветителей.

— И не говори. Внешность божественная, а таланта — ноль.

— Попади он к другому режиссёру, его бы с руками оторвали только за красивые глаза. А у Брауна такие фокусы не проходят.

Тем временем Чэнь Юнь уже волокла за собой всё ещё не пришедшего в себя Цзинь Цина.

— Ну скажи мне, у тебя голова на плечах есть? — яростно выговаривала она ему. — Кто летает в пропасть с таким удивлённым лицом, будто первый раз пятирублёвую монету на дороге увидел? Приговорённый к смерти должен изображать отчаяние! Раскаяние!

Будь лицо её подопечного хоть чуточку естественнее, Браун наверняка закрыл бы глаза на огрехи ради экономии времени. Чэнь Юнь злилась всё сильнее, окончательно теряя остатки терпения.

Цзинь Цин лишь растерянно моргал и слегка хмурился.

«Погодите... Так моё падение с обрыва было всего лишь дублем на съёмках?»

— Боже, какой он милашка, когда так висит! Жаль только, что бета, — зашептались неподалёку молоденькие ассистентки.

— Будь он омегой, мы бы его и близко не увидели. Сама знаешь, как Федерация опекает омег.

— Даже хмурится красиво. С такой мордашкой ему прямая дорога в профессиональные красавчики-пустышки.

— Точно-точно, пусть будет красавчиком-пустышкой!

Цзинь Цин, разумеется, не обращал внимания на девичьи восторги. Выслушав сумбурные нотации Чэнь Юнь, он поднял голову и посмотрел на вышку. Высота конструкции едва ли превышала десять метров — сущий пустяк по сравнению с исполинским Тайшанем. Но память упорно твердила: он падал со смертельно опасной кручи. Вывод напрашивался один — его забросило в чужой мир.

В его родную эпоху сюжеты о попаданцах заполнили книжные прилавки и телеэкраны, так что мысль о переселении души не вызвала у него паники. Раз уж судьба забросила его на съёмочную площадку, профессиональная гордость требовала одного — доиграть сцену безупречно и не подводить коллег.

— Что ж, давайте закончим сцену, — спокойно произнёс Цзинь Цин.

Он отряхнул несуществующую пыль со своего костюма и сделал шаг по упругому синему покрытию. Покрытие под его ступнёй плавно прогнулось, мягко обволакивая обувь, словно ласковые ладони заботливой няньки.

Актёр на секунду замер от неожиданности, а затем аккуратно высвободил ногу.

«А технологии будущего действительно впечатляют»

— Вы видели? Цин-Цин только что играл с Лань-Лань! Какая прелесть! — раздался очередной восторженный вздох из угла.

— А лицо-то какое сонное! Так и хочется ущипнуть его за щёку.

— Хочу видеть его каждый день! У меня сейчас сердце разрывается от умиления...

Цзинь Цин удивлённо огляделся. Помощник режиссёра настраивал камеры, техники были заняты своими приборами, мимо со смехом прошли девушки-ассистентки. Вроде бы обычная рабочая суета, но откуда это странное ощущение, будто он слышит чужие мысли на расстоянии?

— Цзинь Цин, послушай меня, — Чэнь Юнь похлопала его по плечу, прерывая размышления. — Если никак не даётся этот взгляд, полный отчаяния и раскаяния, просто закрой глаза в полёте. Твоё лицо всё равно будет в кадре от силы пару секунд, никто и не заметит.

— Хорошо, я понял, — кивнул он.

Подойдя к вышке, Цзинь Цин огляделся в поисках ступеней, как вдруг платформа под его ногами мягко дрогнула и пошла вверх. От неожиданности он едва не потерял равновесие, но быстро взял себя в руки. Обычный автоматический подъёмник, ничего сверхъестественного.

Спустя мгновение он уже стоял на самом верху. Помощник режиссёра нажал кнопку на пульте, и прозрачный силовой барьер мгновенно отсек площадку от остального павильона. Вокруг вышки поползли густые клубы бутафорского тумана.

Перед глазами Цзинь Цина привычный зал растворился: вместо него проступили очертания бездонного ущелья, точь-в-точь как на вершине Тайшаня. В лицо ударил прохладный ветер, заставив полы его одежды затрепетать. Реалистичность голограммы поражала воображение.

— Приготовились... Начали! — раздался голос из динамиков.

Актёр отвёл взгляд от бездны и полностью растворился в образе. Его персонаж — человек, чья жизнь была чередой непрерывных трагедий. Оказавшись в тупике, он решился на отчаянный шаг. Стоя на краю этой бездны, он больше не чувствовал страха. Его разум заполнил абсолютный покой, словно земные горести и заботы потеряли над ним всякую власть.

Шаг, ещё один, третий...

Силуэт мужчины стремительно приближался к роковому обрыву.

— Стоп! Снято! Прекрасно, дубль зачтён!

Выпутавшись из упругих объятий синего покрытия Лань-Лань, Цзинь Цин хотел было поблагодарить команду за работу, но Чэнь Юнь уже коршуном налетела на него, схватила за запястье и потащила к выходу.

Окружающие провожали их хмурым молчанием, что лишь укрепило агента в её невесёлых мыслях.

— Прошу прощения, у нас срочные дела в агентстве! Мы вынуждены идти! — скороговоркой бросила она на ходу изумлённым техникам.

Стоило дверям за ними захлопнуться, как по павильону пронёсся сочувственный шёпот.

— Бедный парень, жаль его.

— Да уж, не повезло с агентом.

Международная корпорация «Чжунъюй» считалась одним из титанов межгалактической индустрии развлечений. Из её стен вышли десятки кумиров вселенского масштаба. Любой новичок спал и видел, как бы подписать контракт с этим гигантом, но подавляющее большинство претендентов отсеивалось на первом же прослушивании. Причина была проста до банальности: они были недостаточно красивы.

С введением Космического календаря и развитием генной инженерии пластическая коррекция и генетическая модификация стали обыденностью. Лица большинства жителей Федерации давно превосходили былые эталоны красоты. Но продюсерам требовались не просто симпатичные лица, а уникальные шедевры. И «Чжунъюй», заслужившая славу самой придирчивой компании в галактике, отбирала кандидатов с поистине маниакальной строгостью.

Внешность Цзинь Цина была безупречной даже по меркам этого сурового отбора. Именно поэтому, несмотря на его весьма посредственные успехи на актёрском поприще, корпорация выделила ему личного агента и целый штат помощников. Вот только сегодня его агент всерьёз вознамерилась поставить на его карьере крест.

<http://bllate.org/book/19005/1868350>